

6. Самчук У. Втеча від себе : роман / Улас Самчук. – Вінніпег : Волинь, 1982. – 429 с.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. (1975), Questions of literature and aesthetics, *Voprosy lyteratury i estetyky*, Khud. literatura, Moscow.
2. Samchuk, U. (1948), Moroziv Village, *Moroziv khutir*, Regensburh : Vydannia Mykhaila Boretskoho, 1948.
3. Samchuk, U. (1957), Darkness: novel in 2 parts, *Temnota : roman u 2-okh chastynakh*, New-York : Ukrainska vilna akademiia nauk u SShA.
4. Franko, I. (1980), Beauty and secrets of art, *Krasa i sekrety tvorchosti*; uporiadk. ta pryimtky R.T.Hromiaka, F.O.Pustovoi. – K. : Mystetstvo.
5. Bezkhutryi, Yu. (1996), Horses of Ulas Samchuk, *Koni Ulasa Samchuka*, Berezil, no. 5–6, pp. 164–179.
6. Samchuk, U. (1982), Run away from itself : novel, *Vtecha vid sebe : roman*, Vinnipeh : Volyn.

УДК 821.161.1 В-1. 09

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ОККУЛЬТНО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ЛУНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ВОЛОШИНА

Темная О.В., к. филол. н., доцент

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

O_V_T@rambler.ru

В статье рассматриваются мифологические и оккультно-эзотерические истоки образа луны в творчестве М. Волошина. Особое внимание уделяется влиянию теософии Е. Блаватской и антропософии Р. Штейнера. Луна рассматривается как небесный антипод солнца, воплощение женского начала, символ зла, низших материальных сил, смерти и разложения.

Ключевые слова: символизм, символ, миф, интертекст, теософия, антропософия.

МІФОЛОГІЧНІ Й ОККУЛЬТНО-ЕЗОТЕРИЧНІ ДЖЕРЕЛА ОБРАЗУ МІСЯЦЯ У ТВОРЧОСТІ М. ВОЛОШИНА

Темна О.В.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

У статті розглядаються міфологічні й окультно-езотеричні джерела образу місяця у творчості М. Волошина. Особлива увага приділяється впливу теософії О. Блаватської й антропософії Р. Штейнера. Місяць розглядається як небесний антипод сонця, втілення жіночого початку, символ зла, нижчих матеріальних сил, смерті й розпаду.

Ключові слова: символизм, символ, миф, интертекст, теософия, антропософия.

MYTHOLOGICAL AND OCCULTLY-ESOTERIC SOURCES OF IMAGE OF MOON IN M. VOLOCHIN'S WORKS

Temna O. V.

Zaporizhzhya National University, Zhukovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

The reconstruction of the mythical and poetic image of the world, presented in M. Volochin's works, will help us to clarify a question about his place in the literary process at the beginning of the 20th century. The comparative research of symbols of Volochin, Ivanov, Brusov, Biely and others symbolists demonstrate the common philosophical and aesthetic platform.

The aim of the article is to consider the problem of sources of M. Volochin's symbols, using the method of mythopoetics.

The artistic symbolism of M. Volochin's is formed under influence of different «cultural codes» which are Russian and European literary tradition, mythology (eastern, ancient, Slavic), philosophy (Plato, Plotin, Porfiriy, Nietzsche, Bergson, V. Solovyov), religious systems (Hinduism, Buddhism, Christianity), occultly-mystic maneuvers (Gnosticism, alchemy, freemasonry, anthroposophy, theosophy). The sun, moon, elements of landscape, domestic objects in M. Volochin's poetry become the signs of another.

The using of the Moon symbols and mythology is the touch of poetry at the end of the 19th – beginning of the 20th century. «The queen of night» becomes a central image-symbol in the works of «senior» symbolists. Lunar subjects are fully represented in the cycle of sonnets of M. Volochin's «Lunaria».

In M. Volochin's poetry the solar beginning is matched against lunar as the masculine, active, creative to the feminine, passive, reflecting. It is an ambivalent symbol. The Moon becomes the symbol of death and decomposition, it is «the cemetery of the souls» under the influence of Blavatsky's works. The Moon is the source of sins in the world and in the human being. The Moon patronizes to witchcraft and magic. The poet adopts a cult of Hecate from the Greek mythology. The Moon is an attribute of the Night – the time of lovers' dates, of falling in love and beginning of life. In M. Volochin's poetry the image of the moon is related to such biblical images as Lucifer, Cain, Serpent, marked as the «brand of sin».

Key words: symbolism, symbol, myth, intertext, theosophy, anthroposophy.

Реконструкция символического кода поэзии М.А. Волошина, поэта, близкого к символистским кругам, но себя символистом не считавшего (вспомним ставшую хрестоматийной цитату из стихотворения, посвященного В. Брюсову: «Да, я помню мир иной – / Полустёртый, непохожий, / В вашем мире я – прохожий, / Близкий всем, всему чужой» [ССТ1, с. 40]), может внести некоторые коррективы в вопрос о месте волошинского творчества в литературном процессе начала XX века.

Многие исследователи «певца Киммерии печальной» склонны, опираясь на высказывания самого поэта, рассматривать его творчество вне литературных школ и направлений, тем самым вычеркивая поэта из рядов символистов. Среди фундаментальных трудов в этом плане выделяется изданная ИМЛИ РАН «Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х годов)» под ред. В.А. Келдыша [12], где творчество Волошина рассматривается в контексте символистского движения. С нашей точки зрения, такая «изоляция» поэта не совсем корректна, поскольку М. Волошин как поэт формируется в едином «культурном поле» с Вяч. Ивановым, А. Белым, В. Брюсовым – теми авторами, которые представляют символистское крыло. С ними поэта связывают многие годы личного общения. Сопоставительное исследование художественной символики М. Волошина с таковой у Вяч. Иванова, В. Брюсова, А. Белого и др. позволяет говорить о единой философско-эстетической платформе творчества названных авторов.

В нескольких ранних статьях: «Небесная мистерия М. Волошина» [15], «“Святое око дня...”: солярная символика в поэзии М. Волошина» [13], «Земля как “первоэлемент” символической картины мира М. Волошина» [14] – мы уже рассматривали отдельные аспекты заявленной темы. Данная статья завершает «небесный цикл», и в ней мы ставим перед собой цель, используя мифопоэтический метод, рассмотреть проблему истоков волошинской символики.

Отдельные аспекты этой темы были освещены в исследовании Л. Лимоновой «Поэтический пейзаж М. Волошина в контексте русской поэзии конца XIX – начала XX вв.» [8], где проводились параллели между некоторыми волошинскими образами-символами (небо, звезда, луна, солнце, земля, Киммерия, камень, полынь, море, путь) и аналогичными символами в творчестве А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, Вяч. Иванова, С. Городецкого и других авторов рубежа веков. Блестящий знаток литературы Серебряного века, автор ряда работ по творчеству М. Волошина, в частности выпущенной незадолго до смерти монографии «А. Ахматова и М. Волошин: типология лирического героя» [5], Н. Кобзев затрагивал вопрос о специфике волошинской символики в статье «Эзотерическая символика М.А. Волошина: (цикл стихов „Звезда Полынь”» [6]; рассматривались некоторые мистические источники символов луны, ночи, солнца, огня в творчестве поэта. Так, Н. Кобзев в исследовании «Эзотерическая символика М.А. Волошина (цикл стихов «Звезда Полынь»).

Художественная символика М. Волошина формируется на пересечении различных «культурных кодов». Это русская и европейская литературная традиция, мифология (восточная, античная, славянская), философия (Платон, Плотин, Порфирий, Ф. Ницше,

А. Бергсон, Вл. Соловьев), религиозные системы (индуизм, буддизм, христианство), оккультно-мистические учения (гностицизм, алхимия, масонство, антропософия, теософия, в частности, работы Э. Сведенборга, Я. Бёме, Р. Штейнера, Е. Блаватской, А. Безант)... Его поэзия сложна и многоосмысленна, играет богатством культурных аллюзий. А потому ее полноценное восприятие не возможно без углубленного изучения художественной символики. Солнце, луна, элементы ландшафта, бытовые предметы в его творчестве как бы перерастают свою чувственно-предметную данность, становясь знаками иного. Волошинское требование «прозрачности» – когда через словесную ткань как бы «просвечивается» всеобщее – делает его произведения многомерными, семантически насыщенными. Так, пейзаж у него – это и картина природы, и пейзаж души, и... комическая мистерия (стихотворения «Солнце», «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...», «Я к нагорьям держу свой путь...» и многие другие).

Исследование художественной символики поэтов-символистов или авторов, близких этому направлению, находившихся под влиянием символистской эстетики, – задача непростая, поскольку в их творчестве практически каждое слово претендует на статус символа. Поэтому при реконструкции символического кода М. Волошина мы остановимся на наиболее значимых («узловых») образах, позволяющих воспроизвести авторский «миф о мире» как некую целостность, внутренне завершенную систему. Одним из таких ключевых образов является луна.

Обращение к символике Луны и – в более широком плане – лунарной мифологии в целом, является характерной чертой поэзии к. XIX–н. XX в. «Царица ночи» становится центральным образом-символом в произведениях «старших» символистов. Что же касается текстов М. Волошина, то, если подойти к ним формально, можно отметить, что солнце и солярная символика явно преобладают над лунным началом. Однако это вовсе не означает, что лунарный миф менее разработан, нежели солнечный.

Лунная тема с наибольшей полнотой отразилась в венке сонетов «Lunaria». В комментариях к сборнику произведений М. Волошина, изданному в 1995 г., В. Купченко отмечает, что в записях поэта среди источников венка сонетов «названы древнегреческие философы Анаксагор, Анаксимандр, Фалес, Эмпедокл, поэты Гесиод и Феокрит, астроном Джованни Раччоли, Иоганн Кеплер, Ян Гевелий (основатель селенографии), Франческо Гримальди, математик и философ Джероламо Кардано, наконец, «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской» [1, с. 531].

В творчестве М. Волошина солнечное начало противопоставляется лунному как мужское, активное, творческое женскому, пассивному, отражающему. Эта оппозиция сформировалась в лоне древнейших космогонических мифов и в дальнейшем получила развитие в литературе, религии и философии более поздних эпох.

Лунарная символика, представленная в волошинских текстах, формируется под влиянием мифологии, важное значение имеют также образы и мотивы, возникшие под влиянием теософского и антропософского учений (работы Е. Блаватской и Р. Штейнера), целью которых, по большому счету, снова-таки является «реабилитация» и комплексное изучение древнейшей космогонии. Проблема влияния учения Р. Штейнера на формирование взглядов М. Волошина, в том числе, и на становление «лунарного мифа», рассмотрена в монографии С. Пинаева [9, с. 73–102], часть которой была опубликована отдельно в виде статьи «Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина» [10, с. 84–86].

В письме к А. Петровой (2 декабря 1913 г.) М. Волошин отмечал, что основой для написания стихов у него служит не то, «что знаешь», а «то, что чувствуешь, о чем догадываешься» [4, с. 121]. Перечитывая в 1913 г. цикл лекций Р. Штейнера «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире», поэт снова обращается к венку сонетов «Lunaria», с удивлением замечая, что «многое было угадано», несмотря на то, что для него

только теперь «раскрылась совсем иная картина звездного мира и Луны в частности» [4, с. 121]. При этом М. Волошин утверждает, что не может эти новые знания «вложить в стихи»: «нельзя же учебник перекладывать в стих» [4, с. 122]. Однако сам факт обращения М. Волошина к темам Луны, Солнца и Сатурна свидетельствует о влиянии антропософских идей, поскольку в работах Р. Штейнера указывается на значимость этого «космического треугольника».

В венке сонетов «Lunaria» ощутимо также влияние учения Е. Блаватской (да и сам поэт в качестве одного из своих источников называет «Тайную доктрину»). С точки зрения Е. Блаватской, Луна – «небесный предок» Земли, а «лунные люди» («лунные Питрии») имеют непосредственное отношение к возникновению человечества на Земле [1, с. 215]. «Луна сейчас является охлажденным отбросом, тенью, влекомой новым телом, которому переданы ее жизненные силы» [1, с. 215]. В «Тайной доктрине» она называется «мертвой планетой», «полупарализованным телом», «разлагающимся трупом», «лишенным души и безжизненным» [1, с. 223]. Согласно Е. Блаватской, Луна оказывает разрушительное влияние на Землю, пропитывая ее «своими губительными, невидимыми и ядовитыми воздействиями» [1, с. 223].

Все это проливает свет на некоторые строки из венка сонетов «Lunaria»: «Ты жадный труп отвергнутого мира, / К живой земле прикованный судьбой» [3, с. 214]; «Вокруг Земли чертя круги вампира, / И токи жизни пьющая во сне – / Ты жадный труп отвергнутого мира» [3, с. 214].

Луна в произведениях М. Волошина становится символом смерти и разложения: «Из глаз твоих лучатся смерть и мрак» [3, с. 211]; «Ты кладбище немислимых химер, / Ты иверень разбитого потира» [3, с. 213]; «С кладбищ земли, с распутий трех дорог / Дым черных жертв восходит на закате / К Диане бледной, к яростной Гекате» [3, с. 211]; «И ты идешь, багровая в раскате / Подземных гроз, ступая на гробы» [3, с. 211]. М. Волошин считал, что после смерти человека Земля «забирает обратно» его тело, Луна же становится своеобразным «кладбищем душ»: «Умершие, познайте слово ада: / „Я разлагаю с мертвенностью яда / Тела в земле, а души на Луне“» [3, с. 214]. В одном из вариантов текста эти строки звучали так: «Ты двери Смерти, ты обитель Ада, / Ты разлагаешь с мертвенностью яда / Тела в земле и души на луне» [3, с. 416].

Как указывает М. Элиаде, связь луны и смерти имеет глубокие мифологические корни. У многих народов лунные божества являются в то же время «хтоническими и похоронными божествами» [17, с. 169]. На это же обращает внимание и Е. Блаватская, останавливаясь на культе Озириса-Лунного или Гекаты как Богини Смерти [1, с. 217]. Согласно М. Элиаде, в многочисленных верованиях «Луна видится как страна мертвых» [17, с. 169]. Идея посмертного путешествия на Луну имела место в высокоразвитых культурах Индии, Греции и Ирана. В частности, отмечает автор «Очерков сравнительного религиоведения», «Елисейские поля, куда отправлялись герои и цезари после смерти, были на Луне» [17, с. 169]. Позволим себе привести еще одну цитату: «Плутарх писал, что у человека две смерти; первая происходила на земле, во владениях Деметры, когда тело отделяется от души и *pous* и возвращается в прах..., вторая происходит на Луне, во владениях Персефоны, когда душа отделяется от *pous* и возвращается в вещество Луны» [17, с. 170]. Таким образом, и в египетской, и в греко-римской традиции, на которые опирается М. Волошин, отчетливо прослеживаются воззрения, согласно которым Луна является местом посмертного существования души.

В венке сонетов «Lunaria» «Царица Ночи» предстает «трехликой» («трехглавой»): «Двурогая! Трехлика! Афея!» [3, с. 211]; «И ты идешь... / Трехглавая, держа ключи судьбы» [3, с. 211]. Культ трехликой Гекаты был распространен и на территории Крыма. Так, среди экспонатов Историко-археологического музея Керчи имеется скульптурное

изображение трехликой богини. В «Тайной доктрине» Е. Блаватской, Луна также рассматривается в ее тройственной природе: «Диана, Геката, Луна, являет три аспекта в одном. Ибо она – «*Diva triformis, tergemina, triceps*», имеет три головы на одной шее» [1, с. 219]. У М. Волошина: «К тебе растут сквозь мглу моих распятий, / К Диане бледной, к яростной Гекате / Змеиные, непрожитые сны» [3, с. 211].

Однако Луна – не только символ смерти и разложения, но и символ любви и зарождающейся жизни. Луна – неперемный атрибут Ночи – времени встреч влюбленных: «В твоих лучах все лица бледно-юны, / В тебя цветы дурмана влюблены. / Тоской любви в сердцах повторены / Твоих лучей тоскующие струны» [3, с. 208].

Она – «Кристалл любви», «Владычица зачатий»: «С невинности снимаешь воск печатей, / Внушаешь дрожь лобзаний и объятий, / Томишь тела сознаньем красоты / И к юноше нисходишь с высоты / Селеную, закутанной в гиматий. / От ласк твоих стихает гнев морей, / Богиня мглы и вечного молчанья! / А в недрах недр рождаешь ты качанья. / Вдуваешь воды, чрева матерей / И пояса развязываешь платий, / Кристалл любви! / Алтарь ночных заклятий!» [3, с. 209].

Как утверждает М. Элиаде, Луна связана «с женщинами и плодovitостью... Ее олицетворяют как „господина женщин“» [17, с. 163]. Об этом же пишет и Е. Блаватская, отмечая, что «в древнейших системах» Луна представлена «своего рода небесным дон Жуаном», имеющим непосредственное отношение к «тайнам зарождения». Позднее, когда «Луна стала связываться с Женским Началом, с богинями Дианою, Изидою, Артемидою, Юноною и т.д., эта связь тоже явилась в силу основательного знания физиологии и женской природы, как физической, так и психической» [1, с. 217].

Цветок цветов! Небесный образ Йони!
Твоим рождением женщины больны... [3, с. 209].

Луна у М. Волошина имеет женский облик («И при приближении *Девушки – Луны – / Головокружение Глубины*» [3, с. 207]), и женщины, в свою очередь, находятся под покровительством «Царицы Ночи», они – «рабыни Смертно-влажной Луны» [3, с. 145]. Лунные характеристики приобретает и возлюбленная М. Волошина, «царевна солнца Таиах» (М. Сабашникова), любовь к которой поэт характеризует как «лунный сон», «лунную сказку».

По мнению М. Волошина, Луна имеет непосредственное отношение к проблеме пола: «Ты затеплила страсть / В божнице тел. Дух отдала во власть / Безумью плоти. Круг сестер и братии / Разъяла в станы двух враждебных ратей» [3, с. 210].

В черновых набросках к лекции «Пути Эроса» М. Волошин отмечал, что «мужской род происходит от солнца, женский – от земли, а третий, соединение обоих, – от луны, так как на луне находятся части солнца и земли» [4, с. 7].

Луна также и повелительница вод: она управляет дождями, приливами и отливами. Свет луны – «влажный». От ее ласк «стихает гнев морей»; она – «Царица вод, любовница волны».

Не смотря на то, что в уже упоминавшемся письме А. Петровой поэт акцентировал внимание на том, что его «представление о Луне в „Венке“ – люциферическое. И иным оно и не могло бы быть» [4, с. 122] (поскольку Луна имеет отношение к пробуждению сознания человека), в поэтическом космосе М. Волошина она приобретает амбивалентный характер, становясь в то же время и символом всего злого («И распускается, как папоротник красный, / Зловещая луна» [3, с. 97], негативного, неизжитого. По мнению Е. Блаватской, «Луна есть оккультная Тайна из Тайн и скорее символ зла, нежели добра» [1, с. 218].

С ней связано все низшее в мире и человеке: «Всё смертное, усталое, больное, / Ползучее, сочащееся в гное... / Всё женское, текучее, земное, / Всё темное, всё злое, всё страстное, / Чему тела людей обречены...» [3, с. 210].

Луна покровительствует колдовству и магии. «Луна – друг колдунов и враг неосмотрительных» [1, с. 218]. С. Пинаев, характеризуя венки сонетов «Lunaria», отмечает «сладостно-ядовитую, колдовскую атмосферу» [11, с. 84] этих произведений, с Луной связывается все дурманящее, призрачное, иллюзорное, обманчивое, ложное. Как утверждает А. Ханзен-Лёве, это обусловлено тем, что «луна не черпает свой свет в самой себе» (своей сущности), а лишь преломляет, «отражает, передает свет солнца... луна может предоставить лишь нечто «условное» и «неподлинное» (то есть *несебетождественное*), участвуя в чем-то для нее чужом» [16, с. 199]. У М. Волошина с Луной связываются «галлюциногенные» растения, такие как дурман, белена, мак, а на ее ущерб «выходят из пещер» «стада Эмпуз» [3, с. 209].

В поэзии М. Волошина с луной связаны библейские образы, отмеченные «тавром греха» (связанные с мотивом грехопадения): Люцифер, Каин, Змий: «Словами Змия: «Станете как боги» / Сердца людей извечно прожжены. // Тавром греха мы были клеймены / Крылатым стражем, бдящим на пороге. / И нам, с тех пор бродящим без дороги, / Сопутствует *клеяменный лик Луны*» [3, с. 211].

Таким образом, Луна – это своеобразный «космогонический антипод» Солнца. Она – воплощение женского начала, противостоящего солнечному, – мужскому. В творчестве М. Волошина Луна наделяется негативными чертами и предстает как символ зла, низших материальных сил, смерти и разложения. Луна имеет амбивалентный характер: это и покровительница любви и материнства, зарождающейся новой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаватская Е. П. Тайная доктрина : в 4 т. / Е. П. Блаватская. – Днепропетровск : Сталкер, 1997. – Т. 1 : Космогенезис. – 400 с.
2. Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание...» : Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / Сост. В. П. Купченко. – М. : Педагогика-Пресс, 1995. – 576 с.
3. Волошин М. А. Из литературного наследия / Под ред. В. Е. Багно, В. П. Купченко, А. В. Лаврова, Н. Н. Скатова. – СПб. : Алетейя, 1999. – Т. 2. – 297 с.
4. Волошин М. А. Собрание сочинений / Волошин М. А. – М. : Эллис Лак, 2003. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы. – 1899–1926. – 608 с.
5. Кобзев Н. А. А. Ахматова и М. Волошин : типология лирического героя / Н. А. Кобзев. – Симферополь : Крымский писатель, 2007. – 171 с.
6. Кобзев Н. А. Эзотерическая символика М. А. Волошина (цикл стихов «Звезда Полюнь») / Н. А. Кобзев // М. А. Волошин – поэт и мыслитель : Материалы 10 Международ. науч. конф. – Симферополь : Крымский Архив, 2000. – С. 143–161.
7. Левичев И. В. Духовное влияние А. Р. Минцловой на творчество Максимилиана Волошина / И. В. Левичев // М. А. Волошин – поэт и мыслитель : Материалы 10 Международ. науч. конф. – Симферополь : Крымский Архив, 2000. – С. 43–50.
8. Лимонова Л. В. Поэтический пейзаж М. Волошина в контексте русской поэзии конца XIX–начала XX вв. : дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / Людмила Вадимовна Лимонова. – К., 1993. – 180 с.

9. Пинаев С. М. «Близкий всем, всему чужой...»: Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века / С. М. Пинаев. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1996. – 240 с.
10. Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С. М. Пинаев. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 661 с.
11. Пинаев С. М. Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина / С.М. Пинаев // VIII и IX Волошинские Чтения : Материалы и исследования. – Симферополь : Крымский Архив, 1997. – С. 84–86.
12. Русская литература рубежа веков (1890-е–начало 1920-х). – Кн. 1. / Отв. ред. сост. В. А. Келдыш. – М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 960 с.
13. Темная О. В. „Святое око дня...” : Солярная символика в творчестве М. Волошина / О. В. Темная // Вісник Запорізького державного університету : Зб. наук. статей. Філологічні науки. – Запоріжжя : ЗДУ, 2004. – № 4. – С. 144–148.
14. Темная О. В. Земля как «первоэлемент» символической картины мира М. Волошина / О. В. Темная // Літературознавчі обрії : праці молодих учених. – Вип. 7. – К. : Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 2005. – С. 147–151.
15. Темная О. В. Небесная мистерия М. Волошина / О. В. Темная // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь. – 2005. – № 69. – С. 77–80.
16. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика ; пер. с нем. / А. Ханзен-Лёве. – СПб. : Академический проект, 2003. – 816 с.
17. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.

REFERENCES

1. Blavatskaia, Ye.P. (1997), *Tainaia doktrina*, in 4 Vol., Dnepropetrovsk: Stalker, Vol. 1: Kosmogenezis.
2. Voloshin, M.A. (1995), «Zhizn – beskonechnoe poznanie...»: Stikhotvoreniia i poemy. Proza. Vospominaniia sovremennikov. Posviacsheniia / Sost. V.P. Kupchenko. – M. : Pedagogika-Press.
3. Voloshin, M.A.(1999), *Iz literaturnogo naslediia* / Pod red. V.E. Bagno, V.P. Kupchenko, A.V. Lavrova, N.N. Skatova, Vol. 2, SPb. : Aletyia, 1999.
4. Voloshin, M.A. (2003), *Sobranie sochinenii*, M. : Ellis Lak, Vol. 1: Stikhotvoreniia i poemy. 1899–1926.
5. Kobzev, N.A. (2007), *A. Akhmatova i M. Voloshin: tipologiia liricheskogo geroia*, Simferopol: Kryimskii pisatel.
6. Kobzev, N.A. (2000), *Ezotericheskaia simbolika M.A. Voloshina (tsikl stikhov «Zvezda Polyn»)*, M.A.Voloshin – poet i myislitel: Materialy 10 Mezhdunar. nauch. konf., Simferopol: Kryimskii Arkhiv, pp. 143–161.
7. Levichev, I.V. (2000), *Dukhovnoe vliianie A.R. Mintslovoi na tvorchestvo Maksimiliana Voloshina*, M.A.Voloshin – poet i myislitel: Materialy 10 Mezhdunar. nauch. konf., Simferopol: Kryimskii Arhiv, pp. 43– 50.
8. Limonova, L.V. (1993), *Poeticheskii peizazh M. Voloshina v kontekste russkoi poezii kontsa XIX–nachala XX vv.*, Thesis for Cand. Sc. (iterary criticism), Kyiv.
9. Pinaev, S.M. (1996), «Blizkii vsem, vsemu chuzhoi...»: Maksimilian Voloshin v istoriko-kulturnom kontekste serebrianoogo veka, M: Ros. un-t druzhby narodov.
10. Pinaev, S.M. (2005), *Maksimilian Voloshin, ili Sebia zabyvshii bog*, M. : Molodaia gvardiya.
11. Pinaev, S.M. (1997), *Solntse i Luna v ezotericheskom kosmose M. Voloshina*, VIII i IX Voloshinskie Chteniia: Materialy i issledovaniia. – Simferopol: Kryimskii Arkhiv, pp. 84–86.
12. *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e–nachalo 1920-kh)*, (2001), Book 1, M. : IMLY RAN, Nasledie.

13. Temnaia, O.V. (2004), «Sviatoe oko dnia...»: Soliarnaia simvolika v tvorchestve M. Voloshina, Visnyk Zaporizkoho derzhavnoho unIversitetu : Zb. nauk. statei. Filolohichni nauky. – Zaporizhzhya: ZDU, no. 4, pp. 144–148.
14. Temnaia, O.V. (2005), Zemlia kak «pervoelement» simvolicheskoi kartiny mira M. Voloshina, Literaturoznavchi obrii: pratsi molodykh uchenykh, Iss. 7, K. : Institut Iiteraturi im. T.H. Shevchenka NAN Ukraini, pp. 147–151.
15. Temnaia, O.V. (2005), Nebesnaia misteriiia M. Voloshina, Kultura narodov Prichernomoria. Nauchnyi zhurnal. – Simferopol, no. 69, pp. 77–80.
16. Hanzen-Lyove, A. (2003), Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaia simvolika, SPb. : Akademicheskii proekt.
17. Eliade, M. (1999), Ocherki sravnitel'nogo religiiivedeniia, M. : Ladomir.

УДК 821.161.2

СУЧАСНА УКРАЇНСЬКА ЛІТЕРАТУРА ТА ФУТУРИЗМ: ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ОДНОГО РОМАНУ

Томбулатова І.І., викладач

*Одеський національний університет імені І.І. Мечникова,
Французький Бульвар, 24/26, м. Одеса, Україна
galanthus@ukr.net*

У статті здійснено спробу інтерпретації роману Й. Козленка «Танжер». При аналізі роману увага приділялася фактам, які репрезентують вплив творчості українських футуристів початку ХХ століття на сучасний текст. Результати такого роду інтеракції прослідковано в статті.

Ключові слова: футуризм, авангард, модернізм, постмодернізм, інтерпретація.

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФУТУРИЗМ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОДНОГО РОМАНА

Томбулатова И.И.

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
Французский Бульвар, 24/26, г. Одесса, Украина*

В статье совершена попытка интерпретации романа Й. Козленко «Танжер». При анализе романа основное внимание уделялось факторам, которые демонстрируют влияние творчества украинских футуристов начала ХХ века на современный текст. В статье представлены результаты такой интеракции.

Ключевые слова: футуризм, авангард, модернизм, постмодернизм, интерпретация.

UKRAINIAN CONTEMPORARY LITERATURE AND FUTURISM: THE INTERPRETATION OF ONE NOVEL

Tombulatova I.I.

*Odessa I.I. Mechnikov National University
French boulevard, 24/26, Odessa, Ukraine*

This study traces the interaction between different literary epochs in Ukrainian literature. It indicates the features of Ukrainian futurism, which have reflected in Ukrainian contemporary literature.

The analysis is based on the range of recently published (2006–2013) theoretical works on Ukrainian futurism and general Vocabulary-guide in literary studies to make the main terms clear. The interpretation traces the texts by Ukrainian futurists (manifests, poetry, prose) and the text of the novel “Tanzher” written by a contemporary author J. Kozlenko.

The study states that the interpretation of the contemporary novel “Tanzher” by J. Kozlenko discovers the range of the features which indicate the influence of the literary works of Ukrainian futurists on the text written at the beginning of the XXIth century. Principally concludes the following: among such features there are: formal and content-related. Formal are: the changing of the printing type (words and sentences in italics), absence of punctuation, using futuristic features of the “ladder”-poetry. Content-related are: the aesthetics